О.С. Поршнева

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В «РИТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – XXI ВЕКА ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ[1]

В статье сквозь призму мемориальных практик рассматриваются проблемы эволюции политики памяти в отношении I мировой войны в Великобритании второй половины XX – начала XXI в. Показаны роль и взаимодействие акторов политики памяти: государства, агентов гражданского общества в процессе установления, поддержания и изменения ритуалов коммеморации и воплощенных в них «посланий». Характеризуется фактор Второй мировой в переосмыслении Великой войны и трансформации мемориальных практик, создании новых ритуалов, объединяющих память о павших в обеих войнах. Рассматриваются общественные дискуссии 1960–1980-х гг. вокруг «посланий», заложенных в государственные и местные ритуалы. Показана активизация общественной борьбы вокруг памяти о Великой войне в периоды подготовки и проведения 50-ти и 100-летнего юбилеев ее событий. Оба юбилея, при существовании национального консенсуса в отношении памяти о павших, проявили конкурирующие трактовки смысла войны и значения жертв, принесенных на ее алтарь. Актуализация памяти о Великой войне воплотилась в движении гражданского общества в 1970–1980-е гг. за восстановление специально посвященных ей коммеморации в День Перемирия 11 ноября и ритуала общенациональной минуты молчания. «Мемориальный бум» 1980–2010-х гг. проявился в превращении юбилеев I мировой войны в медийные события, в реализации многочисленных коммеморативных проектов, активизации изучения многообразного опыта войны. «Цифровой поворот» в практиках мемориализации позволил более широко приобщать британцев к результатам изысканий историков, документальному наследию войны, реализоваться плюралистическим моделям памяти и одновременно обеспечивать преемственность в традициях мемориальной культуры, ядром которых стало почитание памяти павших.
Ключевые слова: *Первая мировая война, Великобритания, политика памяти, мемориальная культура, коммеморативные практики, юбилеи.*

Историческая память и политика памяти в отношении Первой мировой войны, становление и эволюция мемориальной культуры стали популярными темами, воплощающими «мнемонический поворот» в историографии, начиная с 1980-х гг.[2] В исследовании этой проблематики проявилась приверженность авторов двум основополагающим парадигмам: во-первых, «политической»/национальной, восходящей к трудам Э. Хобсбаума и Б. Андерсена[3], рассматривающей феномены памяти в тесной связи с ритуалами и практиками национальной самоидентификации: ключевого элемента символического репертуара, «скрепляющего» нацию-государство и объединяющего граждан благодаря формированию коллективной национальной идентичности. Во-вторых, транснациональной и транскультурной парадигмы, обоснованной в работах Дж.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).
[2] Hynes 1990; Mosse 1990; Winter 1996; 2006; Heathorn 2005; Commemorating War...
[3] The invention of tradition…; Anderson 1991.

Уинтера[4], в рамках которой практики коммеморациий рассматриваются в антропологическом ключе, как выражение человеческой скорби и потребности в психологической реабилитации от потерь и пережитых страданий, в том числе и в публичных ритуалах поминовения.

Политический и психологический аспекты темы не могут, однако, быть разделены «непроходимой стеной», так как политика памяти всегда включает в себя скорбь (ритуалы скорби), а также способы преодоления психологических и физических потерь, связанных с войной[5]. Кроме того, в процессе и того, и другого взаимодействуют их составляющие элементы и акторы: государство, гражданское общество и индивиды, поскольку все они вовлечены в конструирование конкретного смысла и значения смерти на войне. При этом коммеморативная активность гражданского общества находит место в контексте «официальных толкований», влияющих на понимание того, кого и в каких терминах следует вспоминать. Можно согласиться с авторами коллективной монографии «Commemorating War: The Politics of Memory» в том, что и тот, и другой подходы не могут прояснить до конца пути трансформации национальных/социальных нарративов памяти в индивидуальные и их взаимодействия и для того, чтобы избежать методологической дихотомии нужно подвергнуть теоретическому анализу взаимосвязи между официальными (государственными), гражданскими и индивидуальными элементами политики памяти и практик коммеморациий[6]. Следует изучать политический и культурный процессы, воплощающие память и наделение смыслом ритуалов; прослеживать эффекты этих процессов и конфликты, их сопровождающие, т.е. все то, что обеспечивает переход от сферы социального к сфере индивидуального и наоборот.

Симптоматично, что такие исследования ведутся уже с 1990-х гг., достаточно назвать работы А. МакЛана Кинга[7]. Так, в своей докторской диссертации он поставил задачу изучить, как общественный отклик на войну приобретал в Великобритании 1914–1939 гг. формы официальных коммеморативных практик[8]. В диссертации и вышедшей в 1998 г. монографии он реализовал эту задачу через реконструкцию мемориальной активности акторов гражданского общества и местных политических институтов: комитетов по сооружению военных мемориалов, органов местного управления и самоуправления, добровольных ассоциаций, прессы. Преодоление Кингом односторонности психологического подхода проявилось в обосновании тезиса о том, что коммеморации были не только проявлением скорби по погибшим. Они, как он обоснованно утверждает, содержали дидактическую цель, вдохновляли дискуссии вокруг актуальных политических проблем, ведущиеся в понятиях, свя-

[4] Winter 1996; 2006; War and remembrance…
[5] Commemorating War: The Politics of Memory…: 9.
[6] Ibid.: 11-12.
[7] King 1993; 1998.
[8] King 1993: 2.

зывавших их с идеалами гражданства, утвержденными подвигом павших. Однако, подчеркивает Кинг, что именно коммеморации должны были означать для общества, было предметом политических дебатов. Установился консенсус по поводу того, что память о мертвых должна быть священной, но как их подвиг следует понимать, было открыто для разных интерпретаций. Различия выражались в «пристрастном» придании разными акторами значений символам мемориалов и церемоний. Священная задача прославления павших давала возможность приверженцам различных политических, социальных, религиозных групп для продвижения своих интересов настолько, насколько они могли сформулировать их как размышления о войне и ее последствиях[9].

В русле данного подхода, «соединяющего» политические и культурно-психологические аспекты коммеморациий и памяти о войне, мы рассматриваем взаимодействие акторов политики памяти в Великобритании в процессе модификации, поддержания и наделения смыслом ритуалов, посвященных войне во второй половине XX – начала XXI в. Мы ставим задачу показать связи между общественно-политическими процессами, переосмыслением опыта войны и эволюцией ритуалов коммеморациий. Взаимодействие государства и общества в процессе выработки коллективной памяти о войне, закрепленной в государственных ритуалах, происходило особенно активно в периоды подготовки и проведения юбилеев. В эти годы акторы политики памяти предпринимали усилия и по корректировке, изменению/сохранению ритуалов заложенных в них посланий, отражавших то или иное толкование смысла человеческих жертв и потерь. Начиная с 1960-х гг. государство постоянно испытывало давление общественно-политических сил, активных в «борьбе за память», вступая то в диалог с ними, а то и в противостояние и даже конфликт. Вовлечение в анализ факторов международного характера, внутриполитических процессов, мемориальных инициатив гражданского общества позволяет более глубоко осмыслить преемственность и разрыв в традициях памяти, выявить взаимосвязь национальных, социальных и индивидуальных форм и вариантов памяти о Великой войне.

***

В Великобритании, вышедшей из Первой мировой войны победительницей и в основном единой, уже в межвоенный период проявилась значимая черта в формировании политики памяти: помимо государства акторами памяти выступали различные агенты гражданского общества. В результате официальный нарратив памяти сконцентрировался вокруг концептов долга, службы стране, потерь и горя рядовых солдат и граждан в большей степени, нежели Победы и Триумфа.

Праздничные коммеморации Великой войны начали отсчет с Дня перемирия, учрежденного 11 ноября 1919 г. в ознаменование первой годовщины перемирия между воюющими сторонами. Король Георг V и правительство предложили установить по всей стране торжественное

[9] Ibid.: 3-4.

молчание на две минуты в знак признания памяти погибших. После этого две минуты молчания стали центральным событием Дня перемирия, которое происходило ежегодно до начала Второй мировой войны. Газета "The Times" так писала о возникновении этого ритуала: «Король Георг V 6 ноября в 1919 г. выпустил послание к народу, касающееся первой годовщины перемирия, где предложил ввести 2 минуты молчания в память о "славных павших". В течение последующих 20 лет у Кенотафа в Уайтхолле, в приходских церквах, школьных капеллах, в деревнях у мемориалов было наполненное слезами, живое, душераздирающее поминовение, скорбь о погибших, благодарение за их самопожертвование»[10]. Но ситуация с памятью была не столь однозначной: время от времени звучали требования сократить или устранить милитаристские элементы из церемоний Дня перемирия[11], а в конце межвоенного периода церемония воспринималась многими как подтверждение готовности Великобритании участвовать в новой войне. Согласно массовому опросу, проведенному в 1938 г., 43% населения были против продолжения соблюдения традиции молчания в День перемирия[12].

После окончания Второй мировой войны ситуация с мемориализацией Великой войны, изменилась не только в Великобритании, но и в большинстве стран, участвовавших в конфликте. Очевидная связь двух мировых войн создавала, как пишет Дж. Уинтер, ощущение, что погибшие в них образует одно сообщество павших. Однако после 1945 г. вступали в действие и факторы разрыва в мемориальной культуре: тема борьбы с нацизмом и фашизмом – «политический характер» Второй мировой войны и ее ужасающие последствия сделали невозможными воспоминания и скорбь по погибшим с использованием того же языка, который вырос из войны 1914–1918 гг.[13] Масштабы Второй мировой войны и ее жертв, ясность миссии союзников по антигитлеровской коалиции, в отличие от предшествующего мирового конфликта, смысл которого вызывал вопросы, «заслонил» на время память о Великой войне. 1940-е и ранние 1950-е гг. были «годами молчания» в отношении общественного внимания и воспоминаний о Великой войне, вытесненных героическими нарративами антинацистского сопротивления[14].

В 1945 и 1946 гг. был принят ряд решений, превративших День перемирия в национальный День памяти об обеих мировых войнах, отмечаемый в воскресенье, предшествующее 11 ноября, если оно не выпадает на 11 или 12 ноября[15]. В 1956 г. Елизавета II одобрила изменение правила, касающегося определения даты Воскресенья памяти: оно должно было проводиться во второе воскресенье ноября. Обоснование этого шага определялось «неудобством, проистекающим из прежнего прави-

[10] "The Times", 6.11.1967 г. // TNA. PREM 13/1941
[11] Commemorating War: The Politics of Memory: 264.
[12] Moran, Joe. The two-minute silence…
[13] Winter 1996: 9.
[14] Winter 2006: 26.
[15] TNA. Cab 21/ 4495

ла, по которому «Поминальное Воскресенье» выпадало то на первое, то на второе воскресенье ноября». Новое правило вступало в силу в 1960 г., так как до 1959 г. коммеморация и так выпадала на второе воскресенье ноября. Важным мотивом смены даты стало совпадение Поминального Воскресенья в 1948, 1949, 1954 и 1955 гг. с мероприятиями в честь Дня Всех Святых, всегда проводимых в первое воскресенье ноября[16].

Практики коммеморации свидетельствовали, что погибшие в обеих мировых войнах были объектом сакрализации, и в качестве таковых должны были быть коллективно поминаемы. Желание скорбеть и помнить не мешало, однако, возникновению конфликтов и споров вокруг значения ритуалов, церемоний и мемориалов, посвященных войне. Это отражало борьбу общественно-политических сил, влияние актуальных тенденций на трансформацию коллективной памяти о войне, активность агентов власти и гражданского общества в реализации политики памяти.

Дискуссия об изменениях в концепции посланий, оглашаемых на церемониях Поминального Воскресенья, впервые возникла в конфиденциальном порядке в правительственных кругах в 1958 г., когда Архиепископ Кентерберийский и другие представители церквей выступили с рядом предложений. Запрос на изменения отражал влияние антивоенных настроений, значимость миротворческой повестки, стремление актуализировать концепцию коммеморации. Архиепископ Кентерберийский в письме министру внутренних дел Р.О. Батлеру от 28 мая 1958 г. аргументировал необходимость внести изменения в церемонию тем, что служба в Воскресенье памяти «стала выглядеть архаично», будучи «обращена только в прошлое». Это, по его словам, стало очевидно на основании данных Административного совета Церквей и писем, которые он получает. Архиепископ отмечал, что Административный Совет не желает инициировать публичную дискуссию, особенно в присутствии прессы, но хотел бы обсудить этот вопрос с правительством. «Поминальное Воскресенье, – писал Архиепископ, – лучший повод для обращения к делам будущего, для молитвы за мир во внутренних и международных делах, и тогда жертвы, принесенные в прошлом, не будут напрасны... Должен быть соединен взгляд назад, в прошлое, и вперед, в будущее. Но ничего не меняется, кроме сборов за службу. По ходу времени живая память о самопожертвовании в прошлом тускнеет, и будет ужасно, если церемонии Воскресенья памяти превратятся в формальные ритуалы, имеющие мало реального значения»[17].

В то время правительство не согласилось что-либо менять в практике коммеморации, допуская лишь изменения в церковных службах на местах, не одобрило оно и предложение Архиепископа о специальном Обращении Королевы к нации в Поминальное Воскресенье, в котором отразилась бы смена акцентов в «послании памяти»[18].

[16] TNA. PREM 11/1199
[17] TNA. PREM 11/2216
[18] Ibidem.

Особая, отделенная от Второй мировой войны, память британского общества о Великой войне стала вновь возрождаться в 1960-е гг., накануне и в ходе 50-летнего юбилея событий, испытывая воздействие ряда противоречивых тенденций. С одной стороны, движения за мир, публикации книги Алана Кларка «Ослы», усиливавших критическое настроение в отношении войны (в книге Кларка военные лидеры периода Первой мировой войны сравнивались с ослами, которые вели сражавшихся как львы солдат к смерти). Следует отметить, что такое настроение подпитывалось и традицией памяти, восходящей к «пацифистской реакции» 1930-х гг. и образу разочарованного комбатанта, сложившемуся в литературе ряда стран, включая Великобританию, в межвоенный период[19]. Ян Ашвуд, на основе исследования военной литературы, художественных и документальных произведений о Первой мировой войне, вышедших в Великобритании, пришел к выводу о влиятельности пацифистского взгляда на войну в послевоенный период. Он пишет: «К 1960-м гг. альтернативные поколенческие нарративы были забыты, сложность военного опыта была редуцирована до трагедии, а другая память выхолощена. Миф военных поэтов перекрыл все другие образы, заслонив их[20].

Одновременно набирала силу и противоположная тенденция: рост общественного внимания к разным аспектам и проявлениям военного опыта, истории Великой войны. Этому способствовал ряд юбилейных мероприятий, в частности, трансляция в 50-ю годовщину начала войны посвященного ей 26-серийного телесериала Би-би-си, а также открытие Имперским военным музеем своего обширного архива документов Первой мировой войны[21]. Возрождение интереса к Великой войне проявилось также в публикации воспоминаний, которые описывали другой взгляд, предшествовавший пацифистской реакции 1930-х. В год 50-летнего юбилея войны критические по отношению к доминирующему пацифистскому взгляду позиции получили поддержку ветеранов[22].

Подготовка цикла мероприятий, посвященных 50-летнему юбилею войны, актуализировала вопрос об изменении ритуала коммеморации. В 1961 г. архиепископы Кентерберийский и Йоркский вновь выступили с инициативой изменения формы службы в Поминальное Воскресенье для использования ее во всех церемониях, с тем чтобы она направляла мысль паствы не только на прошлое, но и на настоящее и будущее[23].

Позиция правительства по этому вопросу была более острожной, оно предлагало не вносить серьезных изменений в общенациональный ритуал, отложив рассмотрение вопроса на будущее. Премьер-министр Гарольд Вильсон в июле 1968 г. отмечал, что изменения церемонии у Кенотафа пока не своевременны. Он утверждал, что мотивы покаяния и

[19] Isherwood 2017: 9.
[20] Ibidem: 161.
[21] Brandt S. Memory of the War…
[22] Isherwood: 161.
[23] TNA. PREM. 13/1941

посвящения будущему миру вместе с мотивами поминовения павших должны быть представлены в местных межконфессиональных службах. Подчеркивалось главное назначение церемонии у Кенотафа – поминовение павших: «должны быть поминаемы не только те, кто пал в двух мировых войнах, но и погиб, служа государству», хотя признавалось, что «должна быть и какая-то формула посвящения будущему». Премьер-министр и правительство отвергли и предложение министра обороны об особой службе в Соборе Св. Павла в понедельник после Поминального Воскресенья в связи с юбилеем, по аналогии с подобными службами во Франции и Бельгии. Аргументом стало соображение, что кульминация коммеморaций – церемония у Кенотафа – уже пройдет, и после нее мероприятия не будут иметь смысла. Отказ от серьезных изменений был связан с опасениями правительства, что ветераны и значительная часть общества воспримут «осовременивание» церемоний как свидетельство забвения, предательства памяти павших. Министр внутренних дел, ссылаясь на мнение премьер-министра, писал, что правительство должно иметь очень серьезные свидетельства необходимости изменений, так как малейшие упущения могут вызвать досаду у общества и чувство, что мы «забываем». Премьер-министр подчеркнул, что церемония у Кенотафа – национально-государственное событие, а не церковное, тем самым утверждая приоритет правительства как актора политики памяти. Общественная дискуссия по этому вопросу нашла отражение в публикациях "The Times", разместившей 16 ноября 1967 г. ряд материалов, посвященных Поминальному Воскресенью. В статье епископа Честерского звучала обеспокоенность по поводу снижения значения Дня памяти для современного британского общества, отмечалось, что с каждым годом уходят поколения, для которых две мировые войны имеют личностное значение, что около половины нации не имеют живых персональных воспоминаний об этих событиях. Епископ признавал, что нельзя превращать коммеморацию в нечто совсем другое, но утверждал, что акт поминовения надо дополнить: он требует покаяния за грехи и беды мира, посвящения миру, справедливости и заботе о бедных и угнетаемых. Автор полагал, что это имело бы значение для молодых людей, не имеющих опыта участия в войнах, но для которых перспектива ядерной войны – реальная угроза[24]. Акцент на молодежи свидетельствовал об обеспокоенности церкви ее настроениями, стремлении вовлечь эту важную для будущего страны аудиторию в коммеморации во имя обеспечения преемственности национальных традиций.

Признаки трансформации ритуалов коммеморaций и необходимость их дальнейшего обновления в соответствии с «духом времени» отмечались и в других публикациях. «Вчера, – писала "The Times" в редакционной статье «День поминовения», – в Ливерпульском кафедральном соборе двое молодых людей и две девушки, стоя перед Алтарем, читали пассажи молитвы посвящения, основанные на Преамбуле Хар-

[24] "The Times". 16.11. 1967 // TNA. PREM 13/1941

тии ООН. Эти и другие, еще более радикальные, изменения в характере церемонии делаются, чтобы ритуал не померк по мере смены поколений, так как общее отношение к войнам прошлого, как и к войнам настоящего и будущего, изменилось». В статье говорилось, что интерес молодежи к прошлым войнам, которые они не могут вспоминать, не способен пробудиться с помощью церемонии, сосредоточенной на прошлом, использующей милитаристские элементы, которые молодежь не одобряет. В материале также утверждалось, что тон публичных коммеморациий должен подвергаться ревизии в соответствии с меняющимися эмоциями, но так, чтобы суть церемонии при этом не исчезла[25].

Трансформация ритуалов Поминального Воскресенья в период юбилея выразилась, в частности, в сокращении с семи до одного числа гимнов, используемых англиканской церковью и сохранении оставшегося гимна в новой форме, «более подходящей для современного дня»[26].

Накануне празднования 50-летнего юбилея событий Великой войны Британия предприняла подготовку своего участия в коммеморациях международного характера. Одной из них был юбилей двух дат – 50-летия начала Второй мировой войны и 20-летия освобождения Парижа в 1944 г., широко отмечавшиеся во Франции. Обращает на себя внимание обоснование участия Британии в этих мероприятиях: «Это даст возможность, – говорилось в письме Британского Посольства в Париже, – напомнить французскому народу о самопожертвовании британцев в ходе двух мировых войн»[27]. Событие должно быть хорошо подготовлено, освещено в прессе и представлено на самом высоком уровне, «тем более что Ее величество Королева примет участие в подобных коммеморациях в Бельгии». Обсуждалось также присутствие на мероприятии побежденной Германии, что отражало процесс формирования европейского союза и общеевропейских практик коммеморациий. В документе говорилось: «представители Германии будут приглашены Францией, но “на вторых ролях”. Французы понимают, что это деликатная проблема. Но на основании примера совместных коммеморациий в Вердене ясно, что этого не избежать и что нам с этим тоже придется столкнуться»[28].

В правительстве обсуждалось также предложение сотрудника Британского Посольства в Вашингтоне Дж. Киллика о необходимости совместных коммеморациий на правительственном уровне в связи с 50-летием вступления США в I мировую войну. Отрицательный ответ министерства иностранных дел и предложение отмечать это событие только на неправительственном уровне были аргументированы рядом соображений. Во-первых, тем, что это событие более значимо для США, чем для Европы; во-вторых, что оно очень затратно, так как надо привлекать к нему всех тогдашних союзников, включая Россию и Японию; в- треть-

[25] Ibidem.
[26] “The Times”. 28.08. 1968 // TNA. PREM 13/1941
[27] TNA. FO 371/ 172098
[28] Ibidem.

их, тем, что в самих США вряд ли до сих пор единодушно разделяют мнение о целесообразности вступления страны в войну. Обращалось внимание на международную конъюнктуру, формирование новой системы союзничества в Европе, необходимость избегать травматических для новых союзников воспоминаний: «И мы, и наши германские союзники (западногерманские союзники по блоку НАТО и формирующемуся евросоюзу – *О.П.*) будут неизбежно страдать, вспоминая то, что произошло в апреле 1917 г.[29], особенно в том, что касается связей с общественностью»[30]. Этот учет восприятия символических действий со стороны ФРГ свидетельствовал о целенаправленных усилиях правящих элит Западной Европы по формированию общей культуры памяти, на основе примирения и новых общеевропейских ценностей и, с другой стороны – об устойчивости национального формата памяти.

Частью коммеморaций, посвященных поминовению павших в войнах, стали проводившиеся по субботам, предшествовавшим Поминальному Воскресенью, «Фестивали Воспоминаний» (Remembrance Festival). Они организовывались Британским легионом совместно с представителями военного министерства, с приглашением высокопоставленных лиц. Строгая регламентация проявлялась в подготовке праздничной церемонии. Выпускались секретные рекомендации, касающиеся вопросов, которых премьер-министру нельзя касаться на ужине Британского Легиона, проводимом в рамках данного мероприятия, заранее готовились тексты тостов и ответных речей и т.д. Британский Легион был массовой общественной организацией ветеранов, в которой в 1961 г. состояло 700 000 членов, из них 30% воевали в годы Первой мировой войны. Помимо участия в общенациональных коммеморациях, социальной помощи ветеранам, Легион оказывал поддержку тем, что желал посетить могилы павших за границей родственников[31].

Большой вклад в обеспечение преемственности коммеморативной традиции вносило телевидение: прямые трансляции с церемонии на Кенотафе, документальные сериалы, гимны и песни в честь ветеранов войны находили отклик у публики и самих ветеранов[32].

Вопрос о приведении церемоний Поминального Воскресенья в соответствие с духом времени вновь был поднят в 1970-е гг., когда с рядом предложений выступила созданная из представителей важнейших министерств (внешнеполитического, обороны, внутренних дел и др.) Рабочая группа, подготовившая в 1976 г. на эту тему специальный доклад. В нем был поставлен вопрос о необходимости «расширения значения» церемонии у Кенотафа, посвящения ее не только павшим в двух мировых войнах, но и всем, погибшим в военное или мирное время во имя страны и соотечественников. Показательно, что большинство мини-

[29] Имеется в виду подводная война, ее восприятие общественным мнением.
[30] TNA. FO 371/185056
[31] TNA. WO 32/16143
[32] “Sunday Times”, 11.02.1977 // TNA. PREM 16/1505

стров, обсуждая доклад в 1978 г., пришли к выводу о нецелесообразности радикального расширения, ссылаясь на общественное мнение, которое будет против этого, граждан, ассоциирующих церемонию у Кенотафа с поминовением павших в двух мировых войнах[33]. В докладе говорилось и о необходимости представительства европейских стран на церемонии у Кенотафа, включая не только бывших союзников, но и противников в двух мировых войнах, в качестве жеста, означающего общность памяти и акт примирения. Вновь был поднят дискутировавшийся еще в 1950–1960-е гг. вопрос о привлечении молодежи к участию в церемонии, в частности, школьников, «чтобы вызвать у них чувство идентификации с праздником»[34]. Это говорило об актуальности проблемы сопричастности молодежи, а также о том, что молодежь с 1960-х гг. стала объектом особого внимания акторов политики памяти.

В документе обсуждался вопрос о целесообразности приглашения на церемонию у Кенотафа представителей национальных партий Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса. Несмотря на то, что этот шаг был признан несвоевременным, сама постановка проблемы отражала наличие общественного запроса на ее рассмотрение. Это было также связано с «казусом Д. Стюарта» – главы Шотландской национальной партии, ветерана Второй мировой войны, выдвинувшего в 1975 и 1976 гг. требование представительства партии на церемонии у Кенотафа и ее участия в возложении венков. Формальным основанием отказа, прозвучавшего в Записке премьер-министра Дж. Каллагэн от 29 сентября 1977 г., было то, что в церемонии участвуют только представители общенациональных партий Соединенного королевства, фактически же правительство не желало допускать на церемонию «националистические» партии, прежде всего, Северной Ирландии[35]. Шотландская национальная партия и ее лидер восприняли отказ как оскорбление памяти павших шотландцев, «оскорбление всех шотландцев – бывших военнослужащих». В газете “Scotsman” за 10 ноября 1976 г. сообщалось, что Хамиш Уотт, главный партийный организатор, написал премьер-министру письмо, в котором спросил, не рассматривается ли Кенотаф как поминовение только павших англичан, и что, по сути, эта ситуация поднимает вопрос о том, являются ли две мировые войны английскими, в которых роль шотландцев не учитывается[36]. Лорд Том МакНалли в письме премьер-министру от 10 ноября 1976 г. указал на то, что не допускать Д. Стюарта к возло-

[33] TNA. PREM 16/1505

[34] Ibidem.

[35] TNA. PREM 16/1505. По существующим правилам, в ритуале возложения венков участвовали только представители двух крупных оппозиционных партий. Правило менялось, в частности, в 1984 г. было принято решение, что венки к Кенотафу возлагают лидеры партий, набравших 6 и больше мест в палате общин после последних всеобщих выборов. Лидеры партий с более, чем одним местом приглашаются на церемонию, но не возлагают венки. См.: Письмо министра внутренних дел премьер-министру от 9 октября 1987 г. // TNA. PREM 19/4008

[36] “Scotsman”, 10.11.1976 г. // TNA. PREM 16/1505

жению венков у Кенотафа – серьезная ошибка. В его участии, отмечал МакНалли, есть политический смысл, так как это будет живое напоминание, что Шотландия является неотъемлемой частью Соединенного Королевства[37]. Однако просьба Стюарта так и не была удовлетворена.

Серьезный резонанс в британском обществе получила дискуссия по предложениям возвратить церемонию ежегодного поминовения павших в Великой войне на День Перемирия 11 ноября. Такое заявление на телевидении и в прессе сделал легендарный пилот, капитан группы ВВС Великобритании во Второй мировой войне, полковник авиации и филантроп Л. Чешир, остро поставив вопрос о необходимости восстановления Дня памяти 11 ноября, а минуты молчания – в 11 часов 11 ноября, независимо от дня недели, посвящении минуты молчания миру[38]. В его и других выступлениях звучала мысль о том, что поминовение павших в Великой войне «померкло», ее герои и жертвы незаслуженно забыты, делались сравнения по типу «прежде» и «теперь». В газете "Sunday Times" Чешир писал: «Когда я был маленьким мальчиком[39], День поминовения действительно многое значил. Вся школа маршировала к местному военному мемориалу, и ровно в 11 часов, когда звучали оружейные выстрелы, целый город не осмеливался пошевелить ни одним мускулом. В течение двух минут повсеместно было реальное молчание, когда каждый думал о погибших. А сейчас даже сама дата поминовения предана, а 11 ноября уступило место "удобному" воскресенью»[40].

Ярким феноменом, характеризующим ценность памяти о Великой войне в британском обществе, стала общественная кампания за восстановление минуты молчания и Дня поминовения павших 11 ноября, инициированная в 1982 году редактором газеты "Yours" М. Мэйсон. Она обратилась к читателям с просьбой высказать мнение по этому вопросу и принять участие в народном голосовании. Результаты, опубликованные в ноябрьском номере газеты, были ошеломляющими: 99% откликнувшихся читателей из более чем 500 принявших участие в опросе, выступили за восстановление минуты молчания 11 ноября в 11 часов, в традиционный День примирения. В письме к министру внутренних дел М. Мэйсон писала: «Вы получите петицию, которую доставит в ваш офис сегодня 90-летняя читательница, по своей инициативе, собственноручно собравшая 100 подписей в поддержку восстановления двухминутного молчания 11 ноября. Я была бы благодарна, если бы Вы довели мнение читателей газеты до сведения Ее Величества». В ответе министра внутренних дел У. Уайтлоу говорилось, что оснований для переноса минуты молчания с Поминального Воскресенья на 11 ноября нет, так как, во-первых, эта коммеморация посвящена павшим во всех войнах во имя страны, а не только в Первой мировой войне, а также потому, что

[37] TNA. PREM. 16/1505
[38] "Sunday Times", 11.02.1977 // TNA. PREM 16/1505
[39] Леонард Чешир родился 7 сентября 1917 г.
[40] "Sunday Times", 11.02.1977 // TNA. PREM 16/1505

в воскресенье она привлекает большое количество участников на всей территории Соединенного Королевства и стран Содружества[41].

Существенное изменение ситуации с памятью о войне началось в 1980–1990-е гг. в связи с «мемориальным бумом». Важным его симптомом и одновременно стимулирующим фактором было увеличившееся количество и расширяющаяся программа юбилейных мероприятий, благодаря которым военные коммеморации превратились в медийные события. Этот феномен отмечался во всем мире, но в Британии он проявлялся особенно ярко: прошла целая вереница военных юбилеев, ставших медийными мероприятиями, заметными для публики.

В 1993 и 1998 гг., в 75-ю и 80-ю годовщину перемирия, произошло подлинное воскрешение общественного интереса к Великой войне, значение которой в формировании контуров современного мира и масштаб самопожертвования нации стали осознаваться более глубоко. Развернулась широкая, сопровождаемая СМИ, кампания по восстановлению минуты молчания в День перемирия, массовым стало ношение маков молодежью, расширилась аудитория многочисленных документальных ТВ-сериалов, романов о войне и о ее памяти[42]. В результате в 1996 г. минута молчания в День перемирия была восстановлена. Вот как писал об этом Журнал военной истории Южно-Африканского военно-исторического общества в год 80-летнего юбилея: «Колесо сделало полный круг... В Великобритании еженедельный журнал “Spectator” 16 ноября 1996 года писал, что “в стране отмечается День перемирия. Миллионы людей молча склонили свои головы как дань памяти погибшим на войне”. Здесь важно, что в статье упоминается День перемирия, рабочий понедельник, а не День памяти, воскресенье. На той же неделе “The Economist” сообщил: “Миллионы людей замерли в безмолвной дани погибшим. Это был первый раз после окончания II мировой войны, когда молчание, посвященное окончанию I мировой войны, 11-го часа, 11-го дня, 11-го месяца проводилось в Лондоне в будний рабочий день”». “International Daily Telegraph” в 1997 г. сообщила: «Большая часть Британии замерла, так как примерно 40 миллионов человек соблюдали двухминутное молчание в День перемирия. Операции были приостановлены в аэропортах, на железнодорожных и автобусных станциях, на большинстве радио- и телеканалов, в торговых центрах, судах, университетах и на фондовой бирже. …Официальные представители Королевского Британского легиона заявили, что предварительная оценка показала, что по крайней мере семь из десяти человек приняли участие в минуте молчания, что превышает прошлогодний показатель»[43].

Одновременно юбилеи, приобретая возросшую общественную значимость, создавали возможность для проявления конкурирующих вариантов памяти. В частности, в дни 100-летнего юбилея войны выявилась

[41] THA. HO 342/401
[42] Commemorating War: The Politics of Memory: 4-6.
[43] Kilmartin P. 11 NOVEMBER 1998…

напряженность в отношениях между официальной и неофициальными версиями коллективной памяти и истории этих событий, вызвавшая профессиональные и общественные дебаты. Историк Э. Мукок отмечает, что позиция правительства Великобритании, заявлявшего, что его роль в проведении юбилея сводится к обеспечению руководства и поддержке в организации общественных коммеморациий, хоть и понятна, но наивна. Оно недооценивает собственную роль в стимулировании идеологически обоснованных границ, касающихся того, как конфликт должен вспоминаться и что представляет собой его наследие для современного британского общества. Путем конструирования 100-летнего юбилея I мировой войны в рамках «национального» дискурса, правительство, по мнению историка, «провалилось» в осознании того, до какой степени мультинациональная структура Великобритании оказывала и продолжает оказывать воздействие на разделение, иерархизацию и фрагментацию памяти британского общества о войне[44].

Действительно, в период 100-летнего юбилея войны, ознаменованного реализацией в 2014-2018 гг. целого ряда коммеморативных проектов[45], проявилось стремление правительства утвердить и «продвинуть» национальный дискурс памяти о войне. Это прозвучало в 2014 г. в призыве министра образования Майкла Гоува «бороться с мифами о войне» и «уничижением подвига британских солдат», реабилитировавшем идеи «справедливой войны» и «священной жертвы, которую принесли солдаты, отдав свои жизни в борьбе с германской агрессией»[46]. Однако академический мир Британии скорее осудил заявление министра, а многие исследователи войны высказались в том духе, что нельзя превращать столетие исключительно в серию воспоминаний о боях и погибших, потому что это будет повторением пропагандистских клише эпохи самой Великой войны и не приблизит общество к пониманию причин последней и политических и социальных феноменов столетней давности. В период коммеморациий столетнего юбилея действовала и противоположная: был оценен вклад жителей доминионов и колоний, освещена роль азиатских и африканских стран и народов в годы Первой мировой войны, что способствовало переосмыслению прежних концепций, более глобальному и масштабному взгляду на войну[47].

Несмотря на определенный консенсус, сложившийся в британском обществе, память о войне никогда не была чем-то единым или фиксированным, ни в умах современников и участников событий, ни тех, кто создавал и посещал памятники, записывал воспоминания в автобиографических или литературных произведениях, ставил пьесы, снимал фильмы[48]. Наряду с телевидением в последнее двадцатилетие, особенно в свя-

[44] Mycock 2014: 161.
[45] См.: Голубинов 2019: 69-72.
[46] Цит. по: Там же: 71.
[47] Там же: 70, 74.
[48] Heathorn: 1121-1122.

зи со столетним Юбилеем войны, проявилась роль электронных СМИ в популяризации интереса к войне, создании документальных баз данных, в том числе источников личного происхождения: писем, воспоминаний, фотографий. Сети, сайты, посвященные Великой войне, отражают не только «цифровой поворот» в способах трансляции памяти и знания, но и интерес современного британского общества к переосмыслению опыта войны, ее антропологическому измерению, персональным историям. Яркий пример – созданный д-ром Т. Торпом, членом интернет-сети «I мировая война», подкаст Ассоциации «Западный фронт», в котором он выступает в качестве продюсера и ведущего. Цель WFA как национальной британской благотворительной организации – «развитие интереса к Великой войне через празднование, просвещение и обсуждение». Она имеет более 60 филиалов и 6 тыс. членов по всему миру. По заявлению создателей, это «неполитическая организация, которая не стремится прославлять войну, но увековечивает память, мужество и дружбу всех тех, кто служил своим странам во Франции и Фландрии, а также в своих странах во время Великой войны»[49]. С февраля 2017 г. Ассоциацией выпущено около 90 программ с общим числом загрузок 104000. Каждая еженедельная программа получает около 1000 просмотров[50]. Подкаст охватывает самые разные темы: от вдов, нянь и животных в Великой войне до сражений, лидеров и революционеров, вовлекает широкий круг историков, ученых и общественных проектов[51].

«Цифровой поворот» в способах мемориализации Первой мировой войны в полной мере проявился и в создании больших, размещенных в Интернете, банков документальных данных. Среди них такие, как Каталог из более 600 тыс. предметов (самолеты, оружие, интервью, музыка, плакаты, письма и многое другое) из коллекций Имперского военного музея. При этом 90 тысяч его объектов имеют оцифрованные изображения, звук или видео[52]. Различные цифровые проекты и ресурсы, касающиеся Первой мировой войны, представлены в Блоге историка Отто Верваарта. Автор блога так анонсировал его создание: «Среди множества инициатив, посвященных столетию Великой войны, есть место для веб-сайта, на котором можно собрать как можно больше интересных проектов, охватывающих широкий спектр тем и перспектив, и сделать цифровые проекты доступными для поиска»[53].

Несомненно, способствовало сохранению и актуализации памяти о войне, расширению круга источников ее изучения, создание ресурса доступных аудиовизуальных материалов BBC, посвященных I мировой войне (“BBC History: World War One, British Broadcasting Corporation”)[54]. Веб-сайт Оксфордского университета, посвященный столетию I миро-

[49] https://www.westernfrontassociation.com
[50] https://www.acast.com/mentionedindispatches
[51] https://www.westernfrontassociation.com
[52] http://www.iwm.org.uk/collections/search
[53] http://digital1418.wordpress.com/
[54] http://www.bbc.co.uk/history/worldwars/wwone/

вой войны (World War I Centenary, University of Oxford JISC), содержит коллекцию учебных материалов: статей, изображений, интерактивных карт, аудио- и видео-лекций, электронных книг по войне. Он использует междисциплинарные подходы и темы для изучения культурного, социального, географического и исторического контекста войны. В частности, сайт содержит цифровой архив поэзии времен I мировой войны – онлайн-хранилище, включающее более 7000 элементов текста, изображений, аудио и видео для преподавания, обучения и исследований[55].

***

Таким образом, изменения ритуалов памяти, несмотря на действие противоречивых тенденций в общественной жизни, как показывает послевоенная история, происходили очень медленно и трудно, проходя сложную процедуру обсуждений, согласований и утверждений. Это было связано с существованием продуманного, сложившегося при активной роли правительства, политических сил и акторов гражданского общества общенационального консенсуса в отношении памяти о погибших и модели коммеморации, посвященных павшим в обеих мировых войнах. Новые общественные запросы, возникшие накануне и в период 50-летнего юбилея событий Великой войны, были связаны с пацифистскими, критическими настроениями в британском обществе, молодежным движением, актуализацией нарративов памяти «разочарованных комбатантов» 1920–1930-х гг. Этому способствовали смена поколений, уход носителей живой, коммуникативной памяти, снижение роли ветеранов в публичных коммеморациях, возникновение угрозы ядерной катастрофы, девальвировавшей саму идею войны как способа разрешения международных противоречий. В то же время юбилей вызывал стремление «разобраться в наследии» войны, осмыслить ее опыт более комплексно, обновить концептуализацию, скорректировать послание, заложенное в ритуалах, а также сами практики коммеморации. Антивоенный нарратив памяти стал подвергаться критике, утверждаться признание значимости британского опыта Великой войны.

Инициированные церковью в 1960-е гг. шаги по актуализации концепции «послания», заложенного в праздничную коммеморацию, сохранению ее общественной значимости были «подхвачены» в 1970–1980-е самыми разными общественными силами. Возрождение интереса к Великой войне в британском обществе выразилось в постановке его акторами вопроса, вылившегося в ситуации «мемориального бума» 1980–1990-х гг. в широкую дискуссию, о восстановлении отдельных, специально посвященных этой войне, коммеморации в День Перемирия 11 ноября. Результатом борьбы общественности за память о войне стала победа 1996 г., когда впервые после 1945 г. 11 ноября, в понедельник, состоялась общенациональная минута молчания. Это было проявлением важного сдвига в понимании Великой войны, влиятельности, несмотря на наличие альтернативных нарративов, национального консенсуса в от-

[55] http://ww1centenary.oucs.ox.ac.uk/

ношении ее памяти и национального дискурса о войне. Он сформировался как своеобразный национальный миф в мемориальной культуре страны, базирующийся на представлениях об особой, «высокой» миссии и роли Великобритании в ходе и исходе Великой войны, о масштабности человеческих жертв, принесенных страной на алтарь борьбы за свободу, о самой войне – как главном событии XX века.

В условиях «мемориального бума» 1990–2010-х гг. череда юбилеев превратилась в значимые медийные события, а информационные технологии определили «цифровой поворот» в практиках мемориализации. Использование информационных технологий в политике памяти, реализуемой представителями научно-образовательного сообщества и общественно-политических сил, позволяет приобщать население и, что особенно важно, молодежь, к результатам профессиональных изысканий историков, документальному наследию войны, дискуссионным и антропологическим ее аспектам. Это дает возможность реализоваться плюралистическим моделям памяти, а с другой стороны, – поддерживать традиции и сохранять национальный консенсус в важнейшем вопросе об отношении к наследию Великой войны – почитании памяти павших.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Голубинов Я. А. Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. Вып. 2 / Под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 69-72.[Golubinov YA. A. Stoletie Pervoj mirovoj vojny v Velikobritanii i izuchenie konflikta v shkolah korolevstva // Prepodavanie voennoj istorii v Rossii i za rubezhom: Sb. st. Vyp. 2 / Pod red. K. A. Pahalyuka. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. S. 69-72.].

Anderson, Benedict. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1991. 224 p.

Brandt, Susanne. Memory of the War: Popular Memory 1918-1945, 1945 to the Present (Version 1.1) // 1914-1918-Online. International Encyclopedia of the First World War// URL: http://www.1914-1918-online.net/ (дата обращения: 18.04.2018).

Commemorating War: The Politics of Memory / Ed. by T.G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper. New Brunswick, N.J.; London: Transaction, 2004, 282 p.

Heathorn, S. The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War // The Historical Journal, 48, 4 (2005), pp. 1103-1124.

https://fwwnetwork.wordpress.com

https://www.acast.com/mentionedindispatches

http://www.bbc.co.uk/history/worldwars/wwone/

http://ww1centenary.oucs.ox.ac.uk/

http://digital1418.wordpress.com/

http://www.iwm.org.uk/collections/search

https://www.westernfrontassociation.com

Hynes, Samuel. A War Imagined: First World War and English culture. L.: the Bodley Head, 1990. 514 p.

Isherwood, Ian Andrew. Remembering the Great War. Writing and publishing the experiences of World War I. London-New York, 2017. 210 p.

Kilmartin, P. 11 NOVEMBER 1998. The eightieth anniversary of Armistice Day // Military History Journal Vol. 11. No 2, December 1998.

King A. Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance. Oxford: Berg, 1998 274 p.

King A. The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914-1939 Thesis (Ph.D.) University of London, 1993. 356 p.

Moran, Joe. The two-minute silence keeps a delicate balance between public coercion and private reflection // The Guardian. https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/nov/11/comment.mainsection
Mosse, G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York; Oxford: Oxford university press, 1990. 264 p.
The invention of tradition / ed. by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 322 p.
The National Archive (TNA). Cab 21/ 4495; FO 371/172098, 371/ 185056; HO 342/401; PREM 11/1199, 11/2216, 13/1941, 16/1505, 19/4008; WO 32/16143
War and Remembrance in the Twentieth Century/ ed. by Jay Winter and Emmanuel Sivan. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 260 p.
Winter Jay. Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven & London: Yale University Press. 2006. 340 p.
Winter, Jay. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge university press, 1996. 310 p.

***Поршнева Ольга Сергеевна**, доктор исторических наук, профессор, Департамент международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина o.s.porshneva@urfu.ru*

First World War in the British "Ritual Policy" of the second half of 20th - early 21st century: traditions and innovations

The article discusses the evolution of the politics of memory regarding to the I World War in Great Britain of the second half of the 20th - beginning of the 21st centuries. The author analyses the role and interaction of the state and civil society actors in the process of establishing, maintaining and changing the rituals of memorials and "messages" embodied in them. II World War is characterized as a factor of rethinking of the Great War and of transformation of War memorial practices, the reason for creation of new rituals that combined the memory of those who fell in both wars. The article analyses the public discussions of the 1960s - 1980s around the "messages" embedded in national and local rituals, the modernization of commemorations, the role of concrete actors of the state and society in this process. The author shows in the political and sociocultural context the activization of the social striving for the memory of the Great War during the preparation and organization of the 50th and 100th anniversaries' events. It is proved that both anniversaries, despite the existence of a national consensus regarding the memory of the dead, showed competing interpretations of the meaning of the war and the significance of its sacrifices. It is shown that the actualization of the memory of the Great War was embodied in the movement of civil society in the 1970s and 1980s for the restoration of commemorations specially dedicated to this War on Armistice Day, November 11th. As a result, the ritual of the national two minutes silence on 11 November revived in 1996. Author shows that the "memorial boom" of the 1980s and 2010s manifested itself in the transformation of the anniversaries of the I World War into media events, in the implementation of numerous commemorative projects with the participation of the state and public organizations, and in the intensification of the war experience studies. The "digital turn" in memorialization practices allowed the British to become more widely involved in the projects being the results of professional historical researches. The "digital turn" helps to provide the documentary legacy of the war, to realize pluralistic models of memory and at the same time ensure continuity in the traditions of memorial culture, the core of which is respect for the memory of the fallen.

Keywords: First World War, Great Britain, politics of memory, memorial culture, commemorative practices, anniversaries

***Olga Porshneva,** Dr. Sc. (History), Professor, Department of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; o.s.porshneva@urfu.ru*